По скорости ветра Можно предугадать Наступление бури.

По больной голове — изменение высоты Pтутного столбика.

А по новостям — ничего. Там почти всегда Только врут.

А я-то не лгу, Не ищу ни входа, Ни легкого выхода

Среди тех путей, Что протоптаны Или уже поросли. Мне иногда — честно — Уже просто кажется, Что не вперед иду,

Только копаю под собой Сквозь грязные камни И толстые корни деревьев.

Вырезать бы, вырезать Все эти злосчастные, Черту не нужные обстоятельства.

Просто вылезь из ямы, Стань крепко на ноги И ищи по своей тени юг.

Знаю, что все мы Из среднесеверной полосы. Наши зубы — ледяные копья,

Наши руки— снегом обитые ветви, И глаза у нас, несмотря на часто карий оскал,— Не что иное, как бездна.

В ней места никогда развернуться не хватит, Только вниз, только снова сквозь, Каменно-коренисто-кричащий взгляд.

И как истинный сын Своего народа и поколения, Собираю хлебные крошки.

Лишь бы из них, Промочив слюною с кровью, Слепить то, что можно назвать счастьем.

Выстроить из кривых рассуждений Покосившийся дом-разум И прятаться в нем раз за разом.

От осуждения и обсуждения, От ярких дам прямиком в храм, На алтаре его резать руки.

Окропив соком сердца, Читать тихим голосом молитвы Или призывы о помощи.

Я объявляю войну себе, Хоть и помню, что ни в одной из войн Нет настоящего победителя.

На моем виске нарисована как на белом листке черно-красная дыра Смотрю в нее она смотрит в меня Вроде простая игра где бездна при долгом увязании взгляда внутри обретает собственный цвет роговицы Хочется узнать могу ли схватив за ресницы Захлопнуть ее; чтобы не мешала спать чтобы мог есть чтобы не падал при желании встать

Она щурится
чувствую
разглядывает отдельные части
тут вздулись вены
здесь задрожали пальцы
Вслух
— Стой, Сука
Рву бумагу на счастье
правда поздно
в протоколе
над подписью
надпись
«Обнаружено тело
с огнестрельным ранением
насмерть»

* * *

Замечаю по паутине на обоях наличие щелей в стенах хрущевки

По скрипучему полу ступаю стараясь избежать шума не разбудив ребенка

Холодно, но прикрываться пледом не столь действенно в зимней ломке Взглядом открываю дверь Спускаюсь по лестнице с восемнадцатой до выхода

Во дворе темно, тоскливо Лавочка рядом с вишней покрыта снегом и парой капель

Они красные как сок граната Может местные завсегдатаи распивали здесь клюквенную настойку

Прохожу дальше к дороге Всматриваюсь в урну с заметенной автобусной остановкой

В ней много окурков Флаеры бедных промоутеров раздающих их в минус пятнадцать

Но вспоминаю что на мне нет ни ботинок, ни куртки Снежинки на фоне делают мысль шаткой

Открываю глаза лежа на раскладушке с осознанием, что просыпаться — стоит начать в другом месте хотя бы в двадцать

Надеть очки так же просто, как войти в девушку. Многие из моих сверстников будут со мной согласны.

Но надеть очки — не значит улучшить зрение. Они должны подходить вам — точно иначе вы просто дурак или хипстер.

Я ищу девушку
что усилит остроту —
восприятия,
позволит лучше
разглядеть мир.
Или просто очки
для приятного времяпрепровождения,
совместных планов на лето — платы съемных квартир.

Они звали меня Иудой Собирали камни для расправы И выискивали хворост Для костра последнего верующего Но я не безумная Жанна д'Арк

Их Христос не распят на кресте У него наголо бритая голова И промокшая махорка в кисете Он идет босиком по бензину Читая наизусть Фридриха Ницше

Я знаком был с этим сыном Бога Что уверял меня В смерти собственного отца Ему доказали Что если он хочет быть То так больше жить нельзя

Мы пили с ним темное пиво
Я стрелял ему сигареты
Он рассказывал что на свете
Нет ничего лучше дзен-буддизма
И просил у меня веревку с мылом
Потому что устал видеть людей
Я обратился в психиатрическую клинику
Его забрали
А через неделю
На мой банковский счет
Переслали тридцать тысяч рублей
с припиской — «Спасибо»